

Ina Szwed

National Anhui University, China

ORCID: 0000-0002-9225-2031

Рождество и колядная обрядность Брестчины в современных нарративах

Календарный обряд, функционирующий на микросоциальном и макросоциальном уровнях, доступен для внешнего наблюдателя в двух основных воплощениях: как сложный фольклорно-этнографический комплекс, разнокодовый “культурный текст”, перформенс, и как рассказ (гипертекст) – описание обрядов (много-составной рамкой которых часто выступает праздник религиозного либо светского характера). Это описание нередко перемежается исполнением (либо пересказом) календарно-обрядовых (реже необрядовых) песен, вербализацией календарных паремий (пословицы, поговорки, речения), примет, гаданий, образцов ритуальной речи (тексты, звучащие в составе обряда, реплики его исполнителей, благопожелания, проклятия, похвальбы, дразнилки и др.), клишированных запретов и их мотивировок, мифологических поверий, быличек о демонологических персонажах, активизирующихся в разные периоды календаря, календарной терминологии (хрононимов – названий праздников, почитаемых дней и периодов, своей внутренней формой указывающих на семантику праздника, обозначающих ритуалы, магические действия, исполнителей песен) и др. Эти явления, относящиеся к таким условно разделяемым сферам духовной культуры, как фольклор, язык, мифология и обрядность, хорошо изучены восточнославянскими фольклористами в сравнительно-типологическом

аспекте. Но такой подход, реализованный в основной массе работ по календарным ритуалам и праздникам, смещает на периферию либо совсем упускает из виду самих их агентов и их чувства, в том числе совместно переживаемые во время исполнения обрядовых практик и повествования о них. Отметим, что женщины старшего поколения, глубоко укорененные в локальной культуре, в свои автобиографические рассказы, воспоминания о семейных праздниках включают не только описания ритуально-обрядовой практики, поверья, мифологические предания и другие традиционные составляющие календарного гипертекста, но и повествуют о динамике личного опыта, внутригрупповых смыслов и оценок. Так, Анна Григорьевна Курилюк рассказывает нам:

Марыя пуд ёлочку хувалася, уд Ірода хувалася з Дытынкыю, пуд ёлочку, як йішла (*мифологическое предание – И.Ш.*). То [пры Польшчы] садылы ёлкі. У нас самых одна була высока. Хлопцы вбыралы на Роздво. На Роздво вбыруць! [А чым убыралы?] – Ёйгрушкамы! Драбына складная, складаюцца дві драбыны, вбыруць. Як засвітаць! Люды быгуць дывытыся, бо вжэ в нас ёлка горыць [смяецца]. А як одстоіць [свята], йгрушкі знімалы, а вона русла (“*так делаем мы*”: *описание ритуально-обрядовой практики – И.Ш.*). После смерти сына, наступившей вследствие облучения при ликвидации чернобыльской аварии, ель перестали украшать (зап. в 2013 г. от Анны Григорьевны Курилюк 1930 г.р., Большие Лыщицы Брестского р-на).

Сегодня полезно вспомнить о сближающих, объединяющих чувствах, которые мы по-настоящему разделяем в общих практиках и дискурсе праздника, в частности, совместно реализуя религиозный, этический, эстетический сценарий Рождества и колядной обрядности в целом. Фольклористы, использующие этнографический метод, могут непосредственно поспособствовать этому процессу активизации культурной памяти и работе с эмоциями.

Вниманию читателя предлагается текстологический материал, который условно можно разделить на три составляющие. Во-первых, это полученные на вопрос собирателя о традиционных обрядах, связанных с Рождеством и Колядами, реплики информанта, в формировании которых могут активно использоваться различные ритуально-мифологические жанры (календарный гипертекст). Во-вторых, это

устные автобиографические и биографические рассказы, нарративы семейного фольклора, в которых упоминается празднование Рождества и которые имеют выход в проблематику эмоционально-мотивационной сферы микрогруппы, семейно-группового самосознания, а потому могут стать оптикой рассмотрения особенностей преломления культурного и социального в индивидуальном, согласования событий празднования и их внутреннего переживания участниками. Такие устойчивые рассказы предполагают, с одной стороны, достоверность в изложении фактов жизни нарратора и его семьи, рода; с другой стороны, именно жанр автобиографии позволяет рассказчику акцентировать внимание на тех жизненных событиях и фактах, которые он считает наиболее существенными на момент повествования. Наряду с традиционными методами собирательской работы – беседы и интервью (см. материалы 1, 2), а также метода включенного наблюдения, использовалась форма самозаписи информантов-студентов (см. материалы 3), которых я просила рассказать о своей семье (но не специально о праздниках). Таким образом, третья составляющая текстологической базы – это фрагменты из письменных рассказов студентов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина о своей семье. В двух последних случаях без наводящих вопросов собирателя нарраторы среди значимых семейных событий и фактов называют такие календарные праздники, имеющие выраженный религиозный характер, как Рождество и Пасху. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что рассказы о праздновании Рождества активно включены в устную коммуникацию микрогруппы, в область семейного фольклора. Актуальным предметом дальнейшего рассмотрения могут стать нарративы о праздновании Рождества, не только репрезентирующие семью внешнему окружению, но и бытующие во внутрисемейном коммуникативном пространстве.

Рассмотренный текстологический материал записан автором и студентами Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина, в основном от уроженцев и жителей сёл Брестской области, абсолютное большинство которых женщины послевоенных годов рождения, которые обычно охотнее и подробнее рассказывают о личном и семейном опыте участия в праздниках и их организации на семейном уровне. Он хранится в студенческой научно-исследовательской лаборатории «Фольклористика

и краеведение” названного университета. Нас, в первую очередь, интересуют рассказы о Рождестве, для которых характерна “Я”-тема.

Анализ нарративов

На вопрос “Как у вас отмечались Рождество, Пасха или другие праздники” можно получить ответы двух типов: *Как у всех* или *У каждого обычай свой, что як навучыцца’я* (зап. в 1990 г. от Олесик Надежды Петровны 1922 г.р., 3 кл. “польской школы”; ‘Отчэ наш’ польскэ вмію шэ”, – говорит о себе), д. Збураж Малоритского р-на). Анализ рассказов женщин старшего поколения о Рождестве, последующих после таких, на первый взгляд, противоположных констатаций, позволяет сделать вывод о сохранении инвариантности праздничной структуры. Общим местом в воспоминаниях о праздниках является акцентация подготовительного периода к нему, который создавал радостное ощущение предпразднования. Таким образом люди постепенно включались в атмосферу наступающего, “заходящего” праздника, а не пассивно втягивались в него “официальными организаторами”, как это бывает сегодня. Самые частотные глаголы в таких контекстах – это *готовились, убирали, соблюдали пост, ходили в церковь, варили, забивали (кабана)* (*К Рожэству всегда кабаны всі б’ют, о* (зап. в 2019 г. от Милевской Анны Федоровны 1944 г.р., 4 кл., правосл., переехала из д. Липники Пинского р-на, д. Валище)), то есть очищались, обращались к священному, готовили ритуальные блюда: *Ну так, як завсiгда пэрэд св’ятам, пэрэд Рожэством таксамо прыбыралыся. Но впэрш на Кобяду гатовылыся. На Коляду пыкл’и пырогы. Посна кутте була. Куттю тую варыл’и, йіл’и, і мак. Ну вобшэм, всё поснэ. А вжэ зваэтра Рожэство. Як хто міг, в кого якое богатство, срдэство было* (зап. от Олесик Н.П.). Что касается празднования “советского” Нового года, то от сельских жительниц нередко можно услышать типичное:

Булэ молодеэ [– отмечали]... А топіро шо ме отмічаемо? Нычого <...> Ну Новый год отмечалэ. [А как отмечали? Может интересное есть что?]. – Ну... *якое там, якей там інтерес був* – пособіралыся то падружке, то... то знакомые с муж’яме і... гулялэ, якеі ж там булэ, і отмічалэ. <...> У нас і в роду такого нэ було, шчоб ужя... Ну просто в роду співатэ любелэ.

Мнэго было э... півуній. <...> Ек якей празнік, собярямося й вся співаемо (зап. в 2020 г. от Базылюк Ольги Николаевны 1957 г.р., православная, местная, агрогородок Повитье Кобринского р-на).

Несмотря на свое “советское прошлое”, нарраторы 1930–1940-х годов рождения, в основном сельские жительницы, нередко концентрируют внимание на некогда практикуемом в их родительских семьях переживании рождения Сына Божьего, евангелических смыслов. Каждая семья после участия в Рождественской службе в местном храме собиралась в своем доме вокруг стола-“яслей”, в которых незримо находился Новорожденный Спаситель мира, и презентировала себя как счастливое семейство, наслаждающееся блаженством кротких. Ожившее в домашней атмосфере сосредоточенности молитвенного настроения предание о Святом семействе объединяло участников празднества ощущением светлой радости от взаимопринадлежности, благоговейного тепла и цельности домашности, а также от причастности семьи к возвышенному. При этом инсценировалось и переживалось скорее не то, что есть, а то, что желаемо.

Очень часто на вопрос “как появился определенный праздник” можно услышать ответ о том, что он – “давнее” наследие предков. *Ну як узнік, не знаю... Я не знаю, “з давніх”. Напрымер, сталі моі родітелі адзначаць, бабушка, дедушка. Вот ты знаеш, шо вот Паска, далей Труйца, Рожэство. Сначала, спэри ідэ Рожэство, а потым ужэ ідуць гэтыя святы, Громніцы...* (зап. от Милевской А.Ф.). Вместе с тем многочисленные нарративы свидетельствуют о понимании “носителями” традиции того, что наиважнейшее ритуально-обрядовое действие имеет основанием прасобытие – библейную сцену прихода Бога к человеку, рождение Сына Божьего – Иисуса Христа. Представления о ситуативном контексте этого прихода выступают мотивировками определенных ритуальных актов, о которых чаще повествуют представители старшего поколения. Так, уроженка д. Збураж Малоритского района вспоминает о “Колядах пэрэд Рожэством”, когда хозяин или хозяйка устилали стол сеном и *вносыл’і в хату снопа. А т’іпер слоік чы там стакан жыта нэсуть. Т’іпер вжэ снопы мало в кого е, а тоді – снопа.* Необходимость раскладывания сена на рождественском столе (который сверху покроют белой (раньше – самотканой) скатертью и расставят на нее специальные

ритуальные блюда и за которым соберется вся семья) женщина объясняет, пересказывая характерный песенный сюжет о том, как Божья Мать родила Иисуса Христа в хлеву и спрятала Новорожденного в сене:

С'іно стылыл'і на ст'іл, пуд настылнык. Ёісус Хрыстос родывся на с'іновы. Як Прысв'ятая Дева йшла, просыла в чоловіка пырыночуваты. А він кажэ: “Хатынка малая, сым'я вылыка. Рад бы я вас прын'яты, дэ мні в хаты полож'еты?” А Вона кажэ, Прысв'ятая Богородіц'я, чы тая Маты: “Я нэ хотіла б спаты, нэ хочу я в вас ноч ночоваты, і нэ хочу я спаты, тылько мні міс'ц'е дэ-нэбудь полж'еты”. І вонэ, ну шо? “В хлыві, – кажэ, – хлыв вэлыкій, с'іно”. “Я пойду туды”. Пушла. Это тоді, пэрэд тым... с'іно на тое [пад абрус на Раство] клал'і, шо то на с'іновы [нарадзіўся Хрыстос]. І выйшла ёго ж'інка на двір. Прыйшладохаты. “Господар, уставай, шо в нас за новына! Над нашью... над нашым сараём засіяла зора, коло нашого хлыва!” І він выйшов, подывывся, кажэ: “То нэ есть зора й нэ есть старчыха нэ якая, то есть Божа Маты, Сына народыла”. І прыйшла тая Св'ята Божа Матыдохаты і кажэ: “Я в вас нэ хотіла і нэ ночоваты, тылько хотіла Сыночка своёго скопаты!” А Вона там скопала з вылкамы в с'іновы. І тое чырыз тое нэсуть с'іно на ст'іл. І на Роздво на трэцій дэнь прыймають. А на Водохрышчэ, на другу Коляду зноў... Тоді ўжэ хрыстыл'і Ёісуса Хрыста” (зап. от Олесик Н.П.).

Согласно ряду рассказов-воспоминаний, в этом праздничном воспроизведении прасобытия (важной составляющей которого остается жертвоприношение-кормление), кроме ныне здравствующего семейства, принимают участие приглашенные хозяевами души умерших предков, а также имеющие с ними мифологическую связь “вредители” – птицы, волк, мороз, например:

Кутте стоіть на столі. Як ужэ обыйдэш кругом еі і поставыш: “Мороз, мороз, ідыдохаты куттю пожываты. Куттю, пырога, всё шоб ты попробовав і шоб ты нас міцно нэ морозыв. Бо будэш морозыты, нэ дамо нычого, – такая була прыказка. А нэ будэш морозыты, сядай з намы вычэраты” (зап. в 2002 г. от Волощук Марии Петровны 1923 г.р., неграмотная, Бродятин Малоритского р-на).

Клычуть мороза: “Мороз, мороз, іды до кутті повэчэрай. Мороз, мороз, іды до кутті!”. Пойдеть. “А нэ прыдэш – нэкол'і нэ іды!”. О поріг стукають – батько чы там хто стукае, возьмэ поліно. І стукал'і тое там тоді. Я ж забуваюся вжэ. І такымы словамы: “Мороз, мороз, іды до кутті, а нэ ідэш, то нэ іды нэкол'і!” <...>. Клыкал'і вмерлых. Вмерлых

клькал'і: батька, матэр, діда, там хто... дйткы, ну вобшчэм родічов своіх. І покыдал'і нэ закрытэ на столе, і ложка, і окрытэ всё вгашчэнне. І казал'і: “Вмэрлы, прыход'тэ на вэчэру”. Это для вмэрлых. То тое было в моіх і там, і там [бацькоў і свёкраў] (зап. от Олесик Н.П.).

Такое нахождение семьи в прасобытии (Первособытии), ее единение со Святым семейством, “родителями” и природно-космическими силами служит гарантией безопасности и процветания всего рода, обновившего своё внутреннее единство (включая умерших предков), сплотившегося в режиме “лицом-к-лицу” в единое коллективное тело и дух. Ритуально-обрядовый комплекс, таким образом, сохраняет и обновляет семью, удостоверяя ее членам взаимопринадлежность и гармоничную включенность в макромир. Рассказчики осознают, что архизначимое Первособытие свершилось тихо и неприметно: Мария и Иосиф, придя на перепись в Вифлеем, не нашли места в гостинице и остановились в пещере для скота (а в песнях, как в пересказанной выше, – в хлеве), где ночной порой и родился Младенец Иисус. В многочисленных вариациях песен (нередко имеющих книжный характер) акцентируется мотив рождения Сына Божьего в хлеве, в такой бедности, что Его нечем спеленать и прикрыть:

Спы, Ісусе, мылэнькый, засынай.
Ты прыйшов відкрыты дорогу в рай.
В хліві у бідноці, сэрэд тварын
В Свіці народывся Господэнь Сын

(зап. в 2007 г. от Марковской Натальи Владимировны 1973 г.р.,
БГПУ им. М. Танка, переехала из Ляхович Брестской обл., Жабинка).

Мотиву тихого рождения Сына Божьего в хлеву сопутствуют мотивы чуда (“Пастыри играют! Чудо, чудо возвещают!”), всеобщего ликования, радости. Именно колядовщики со звездой приносят “весёлую новину”, славят Христа, поют тропари и кондаки празднику. Обходы звездарей чаще всего начинаются с песни “Радуйся” с соответствующим припевом:

Добры вэчэр тобі,
Панэ господарю, радуйся!
Ой, радуйся зэмлэ.
Сын Божий народывся!

Застылайтэ столы
Та вси кылымамы, радуйся!
Ой, радуйся зэмлэ...
Сын Божий народывся!

(зап. от Марковской Н.В.).

Чувство великой радости и удовольствия поддерживается также игровой, карнавальная стихией, которая достигает пика после Рождества, на “Шчодрик”. Таким образом, аполоническому началу сопутствовало начало дионисийского буйства. В ритуальных – сакральных и остенсивных, коммуникативных и интерактивных по своей природе – обходах домов могли быть представлены оба эти начала. Приходящие к медиативному каналу – окну хозяйского дома – колядовщики как посланцы из иного мира своим телесным присутствием (нарраторы обращают внимание на костюм, специальную атрибутику, тембр голоса, поведение, различные комбинации взаимодействий, ресурсы зимней природы и др.) изменяли действительность как на физическом, так и ментальном, психологическом уровнях, формировали ее особую форму, в которой со-присутствует иномирное (как священное, так и демоническое). Эти ритуализированные агенты, используя различные традиционные схемы формирования среды и упорядочивания опыта (своего и присутствующих акторов) участия в ней, соотносят этот опыт с ритуально-обрядовыми смыслами и ценностями, которые маркируют священное. (Здесь возможно рассмотрение реальных принципов ритуально-обрядовой практики как гибких наборов схем и стратегий, приобретенных и развернутых воплотившим их агентом.) Важная роль в моделировании присутствия самого Бога во дворе и доме хозяев отведена исполняемым колядовщиками песням, перформенсу. До сих пор многие нарраторы старшего возраста осознают важность предписанной традицией гендерно-возрастной дифференциации групп ритуализированных агентов, особенностей их перемещения (приход именно под окно), музыкального сопровождения, наличия колядной (яркой, разноцветной, с фигурками животных и горящей свечой) звезды, исполнения колядки с сюжетом “Бог ходит по хозяйскому двору” и др. Примером может быть запись, сделанная от жительницы деревни Валище Пинского района:

Яшчэ-но *заходзяць под окно*, ніколі ж под окном ходылі, і *не то шо старые*. Як насобіраюцца уже такія, бы твой [зварот бабулі да ўнучкі] папа тэпэрыка, ды гэто хросны, да гэтой... [мужчыны 40–50 гадоў]. То тыя бралі *гармошку*, да ішлі, да коб ім водку ставілі. А вот такія як вы, да дэвочкі, ны ходылі ў калядныкы, толькі *мальчыкі*. Девочкі ходылі ў шчодрыка, а мальчыкі ходылі ў калядныкі, вот эту самую *звезду робілі* і всэ. І воны й прыходзяць на двур і гаворать: “Добры вэчор, пане-дядько, з празніком, з *Рожэством Хрыстовым! Судыў Буг дождаты, суды, Боже, пэрэсвятковаты, дай зноў за год дождаты!*”. І кажэ: “Розрешы, кому пісню заспэваты (вот скажут мальчыку ілі дэвочкі якуй, і гэтэ...). Вот яны вжэ і начынають. Альбо хазяіна, хазяіну спэвалі так [спявае]: “Ой, устань, пане, по твоему двору сам Господь ходыть, // Сам Господь ходыть, // Жытэчко родыть. Святы вечур!” (зап. от Милевской А.Ф.).

Эта запись, среди прочего, интересна отражением, с одной стороны, нацеленности ритуально-обрядовой практики на “непрерывное” будущее малой группы, инсценирующей свою связь с божественным миром, а с другой стороны – осознанием важности цикличности человеческой жизни, которая проживается поэтапно, от одного большого годового праздника до другого. Иномирные гости – колядовщики со звездой, апеллируя к сакральной силе и власти Бога, присутствующему “здесь и сейчас”, в хозяйском дворе, желают главе семьи (а в его лице всем остальным ее членам), пережив состояние нынешнего праздника и сопричастности своей группе и универсуму, не выпасть из круга годовых праздников, чтобы через год снова оказаться в Первособытии Рождества (выделено курсивом). Вербализация пожелания, проведя праздник, дожить до следующего, можно считать общим местом нарративов: *Водохрешченне, Сьвяты вэчур... ‘Дай Бог, дождаты Водохрышч, і дай Бог, провысты, шоб другога дождаты’, – так казалы* (зап. от Волощук М.П., без образования, местная, Бродятин Малоритского р-на).

Нельзя не отметить, что женщины старшего поколения, несмотря на возраст, нередко воспроизводят ритуально-обрядовые сценки по памяти, стараются именно петь, а не пересказывать песни:

Т’іпер Новы год первого, а тоді Новы год чэтырнац’ятого ж був. <...>
Вс’яких колядыв мніго, хто якые вмів! <...> На Рожэство, значыць <...>

вперод подыйдуть колядныкы пуд хату і в окно крыч'ять: “Кажы, кажы, дедойко, колядоваты!” – “Колядуйтэ, колядуйтэ!” То мэнчі співаюць мэнчі пісьні, а вжэ старіші коляднэкі – більші – давнішніх, більшых, довшых. А малыі попэрш “Вышэнькы” співаюць [спявае]:

В саду, в саду вышня стояла, гэі Рожэство, вышня стояла!
 З тэі вышэнькы гіскарка впалá, гэі Рожэство, гіскарка впала!
 З тэі гіскарки свічэйка встала, гэі Рожэство, свічэйка встала!
 З тэі свічэйкы річэйка встала, гэі Рожэство, річэйка встала!
 В тэй річэйці Господь купався, гэі Рожэство, Господь купався!
 Господь купався, в срібло вбрався, гэі Рожэство, в срібло вбрався!
 У срібло вбрався, сів на кріслэчко, гэі Рожэство, сів на кріслэчко!
 Сів на кріслэчко, песеньку паёт, гэі Рожэство, песеньку паёт!
 Песеньку паёт, шэй отсылаёт, гэі Рожэство, шэй отсылаёт!
 Шэй отсылаёт до пана Бога, гэі Рожэство, до пана Бога!
 До пана Бога, до чоловіка, гэі Рожэство, до чоловіка!
 – Ой, чоловічэ, вэйдэ-но на двір, гэі Рожэство, вэйдэ-но на двір!
 Вэйдэ-но на двір, шось тобі дасть Біг, гэі Рожэство, шось тобі дасть Біг!
 Ой тобі дасть Біг дві копы грэчкы, гэі Рожэство, дві копы грэчкы!
 Дві копы грэчкы на варэнэчкы, гэі Рожэство, на варэнэчкы!
 А трэтю – жыта на пудпалочкы, гэі Рожэство, на пудпалочкы!
 Кудах-тах! Дай, дедонько, коляднэк!

(зап. от Олесик Н.П.).

Как видно из примера, песни с мотивом “Бог в хозяйском дворе” имели также и магический смысл обеспечения всяческого, в том числе материального, благополучия семьи в следующем году. Кудахтанье (Кудах-тах) и другие звукоподражания писку детенышей животных, издаваемые детьми, материализуют приплод домашних птиц и животных, который должен случиться в грядущем году. Точно также находящийся у окна с улицы хозяин ведет ритуальный диалог с хозяйкой, находящейся внутри дома. Он спрашивает, видит ли она его за стогами и копами, на что она отвечает отрицательно и вопрошает, видит ли он ее за овощами, на что слышит “нет”. Это должно обеспечить желанный урожай следующего года.

Связь всего коллектива с иным миром, своеобразное раскрытие границ между человеческой и не-человеческой сферами и переживание опыта своеобразной стихийной интеграции как внутри человеческого коллектива, так и с иномирьем, проявляется в антиповедении (в пер-

вую очередь молодежи, парней), о котором часто вспоминают представители старшего поколения. В таких “окультуренных” формах, как снятие калиток, переворачивание туалетов, затаскивание транспортных средств и хозяйственного инструментария на крыши и деревья, закрывание дымоходов, вымазывание окон, поливание около порогов водой (которая должна замерзнуть и сделать площадку скользкой, а открытие дверей невозможным) и другая “школа”, безудержное веселье, подогретое употреблением “ритуального спиртного”, в частности самогонки, своеобразно высвобождается дионисийная стихия. Характерно, что рассказчики подчеркивают то, что на такие “проделки” молодежи никто не обижался, а у самих “шкодивших” возникали общие эмоции, сильное чувство взаимосвязанности.

Здесь может вестись речь о реализации такой важной черты праздничной культуры, как карнавализация, со свойственными ей временным отказом от существующих социальных норм и “переворачиванием” социальных иерархий¹. Не только в известной концепции М.М. Бахтина, но и в большинстве авторитетных исследований праздничной культуры отмечается, что праздник – это выход за границы существующего социокультурного порядка, ситуация санкционирования культурой трансгрессии ею же самой установленных норм и ценностей; это “нырок в хаос, в саму стихию жизни”, когда *общество высвобождается из навязанных норм, смеётся над своими богами, началами и законами – короче, упраздняет само себя*². Согласно рассказам участников обрядов, подобное поведение могло приобрести этический и “испытательный” смыслы, например, когда молодежь совершила “ритуальную кражу” дров у зажиточных хозяев и переносила их во двор бедной вдовы. По тому, насколько быстро и хорошо живущая в доме девушка вымыла измазанное парнями окно, судили о ее хозяйственности и готовности к браку.

Одним из значимых эпизодов завершения праздника как на общественном, так и частном уровнях является очерчивание и защита границ “своего”. Оно приобретает различные масштабы; от космическо-

¹ М.М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Москва 1990.

² О. Пас, *Поэзия. Критика. Эротика. Эссе разных лет*, Москва 1996, с. 25.

го в колядках о возведении крепкого забора вокруг централизованного Мировым деревом хозяйского двора до микромасштабов дома и сараев при их обходе хозяином. Например, женщина рассказывает, что в день завершающего Колядный период Крещения Господнего (“Вадохрышча”) ее дедушка трижды обходил с колядным снопом хозяйские строения:

[Кладуть] сіно, сіно пуд настільнымком, а солома сто’ела, снопок жыта в кутковы. І от із тым вжэ снопом, што стоіть, то мы раньшэй, так я робыла *з дідом, то мы* на Вадохрешчэнне, то мы бралы снопа жыта, ходылы кругом будынка. Дід “Отчэ наш” говорыв. Я шэ *тоді була смаркач, о, а він вжэ там камандував!* Того снопа прынысэ, поставыць. Ёго змолот’еть і даюць скотыны, коб скотына вылась харашо (зап. от Волощук М.П.).

Попутно отметим, что хотя праздник в целом предстает как особое состояние социума, которое связывает людей между собой и с иным миром, нарраторы довольно четко разделяют традиции общественные (например, всем селом ходили в церковь, к местнотимым источникам, к проруби в Крещенье и др.) и частные, внутрисемейные.

Что касается рефлексии подлинно праздничного состояния, то она внутри традиции возможна только вне самого праздника, в частности в рассматриваемых нами рассказах-воспоминаниях. Причем перформативный характер имеет не только вербальное, социальное и эстетическое действие в ритуальных актах и празднестве вообще, но и само высказывание о них перформативно (оно связано как с представлением тела, так и с созданием социальной действительности, выработкой индивидуальной и коллективной идентичности). В рассказах-воспоминаниях о Колядах, праздновании Рождества, как отмечалось выше, просвечивают практики, образы, концепции и идеалы, связанные в традиционной культуре с гендерно-возрастной идентичностью; рассказчики, обращая внимание на ритуальные образцы взаимодействия, с позиции настоящего времени – повествования – оценивают себя, родных и близких. Чуть ли не общими местами рассказов представительниц старшего поколения становятся оценка, подчеркивающая неудовлетворенность их нравственных и других чувств, а также конструкция “раньше было лучше, чем сейчас” – см., например, выделенное курсивом и полужирным шрифтом в материалах 1, а также:

[А касцюмы якія-небудзь у каляднікаў былі?] – Ну як хто хотев. А Бог іх знае. Пры нас ужэ... Знаеш, ніколі якіе-то такіе, то вжэ... *Повыдумлялі шчас*, вжэ які-то ўжэ ходять, ужэ вбіраюцца... *а тогда* так, деткі ходылі... як, ну конечно, крошккі оденутся <...> Інтэресно было, то шас, не, шас ны то совсем, раньне было інтэреснее. Да! Вот такие дела” (зап. от Милевской А.Ф.).

Нарратив, согласно Дж. Брунеру³, совмещает две стратегии – линейную (последовательность событий) и нелинейную (осмысление событий в терминах “интенциональных состояний”, иными словами, оценок), причем оценка подчас может быть оторвана от события празднования и приписана нелинейным объектам (буквально – текстам, вещам, блюдам, напиткам и т.п.). Эмоциональная оценка репрезентирует положительные чувства нарратора, вызванные объектом, его действиями, состоянием и т.д., обычно это радость, веселье, реже удивление и др. – см. оценку колядной звезды, исполнения песен, одаривания колядовщиков:

А з звяздою ходыл’і, то вжэ тым платыл’і *ліпш*. З звяздою подыйдуть – *хорошу* таку! Побул’і, то вжэ вэльмы тоді співаюць, “Рожэство” співаюць *хорошэ*, “Новая радость”, “Предвечнэй” або “Радуйцеся!”. Ну коляды вжэ *хорішчы, більші*. То тылько дытячы найпэрш співаюць, малэнькы. То тоді вжэ і тые [більші]. В окно... а звезда на кыёчковы, крутыц’я. І так о зробр’яць: в сэрэднэ свічка горыць, стоіць там колочок такый. І звезда – крыла зробр’янэ, крутыц’я кругом. *Така хороша!* (зап. от Олесик Н.П.).

Антонимом слова “хороший”, как известно, является “плохой” (неприятный, гадкий), и он используется в основном в двух взаимосвя-

³ Этот же автор утверждает, что именно через повествование мы создаем и воссоздаем самость, которая, в свою очередь, является продуктом нашего повествования, а не некой сущностью, которую нужно искать в глубинах субъективности. Построение самости не может происходить без способности к повествованию. Как только мы обретаем эту способность, мы можем создавать самость, которая объединяет нас с другими, позволяет нам выборочно вспоминать наше прошлое, одновременно формируя себя для возможностей воображаемого будущего. Но нарративы, которые создают и трансформируют наше “Я” (self-told narratives), мы получаем от культуры, в которой живем; мы практически с самого начала являемся выражением культуры, которая нас питает. Но сама культура – это диалектика, избилующая альтернативными повествованиями о том, чем является или может быть самость. И истории, которые мы рассказываем, чтобы создать себя, отражают эту диалектику (J. Bruner, *Self-making narratives*, [in:] *Autobiographical memory and the construction of a narrative self: Developmental and cultural perspectives*, Mahwah, London 2003, p. 209–225).

вязанных контекстах: при отрицательной оценке тех людей, которые отказываются впустить в дом колядовщиков и/или одарить их, а также оскорбительных песен, исполняемых обиженными гостями в адрес таких скупых хозяев:

Тоді вжэ на Куготы прыходыл’і і співал’і вжэ. Скажуть там, попросяць
господаря: “Кажы, кажы, дедонько, куготаты”. “Куготаты”, – там скажэ.
Як нэ одкажэ, то співаюць *гыдку* пысню:

А в сій тэі хаты
Нэма чого даты,
Сучка вэртыщ’я [смяецца],
Тое [пропущено слово, обозначающее выделительную функ-
цию телесного низа. – И.Ш.] сядовыщ’я!
(зап. от Олесик Н.П.).

Лексика, связанная с результатами незрительных восприятий, с вкусовой, осязательной, ольфакторной или тактильной оценкой, хотя не так часто, но всё же присутствует в воспоминаниях о празднестве. Она также положительно окрашена. Приятную вкусовую оценку получает вкус запеченого мяса, колбасы, хлеба, пирогов (душистый, ароматный); положительна оценка чистоты убраного дома (который мыли настойкой полыни), запаха сена, ладана; ощущение согревающего тепла печи, теплой еды:

[Мама] рубает [стегно] і чыгуньчык такой 15 чы 12 літров, і яго ў печку.
Так. І вжэ вэчорам, корочэ, вынімае гэто, это мяско, а оно *пахнэ-пахнэ на ўсю хату!* Кажэцца... А всем жэ пост! Эта шчас ніхто не пасціцца, а раньше все пасцілісь. І она токо прыказвае: “Крый Божэ, токо мяса не йыштэ севоння”. Но як жэ ты нэ з’ісы того мяса, еслі оно так пахнэ на ўсю хату! Хоть, кажэцца, мама пошла в цэркву, а ты, хоть чуть нада ўшчышнуты гэты мяско, понімаеш [смяецца] (зап. в 2019 г. от Марчук Ольги Ивановны 1956 г.р., переехала из Овсемирово Столинского р-на, Пинск).

Превышение силы звука (громко поющий, смеющийся, ликующий, шумящий, вплоть до распатывания дома) также имеет положительную оценку. Приведем характерный фрагмент рассказа жительницы деревни Бродягин о “настоящих колядниках” с овечьими хвостами и “харошай” звездой:

[Каляднікі хадзілі] по сыловы. Пэрэд йімы ставылы столы, кладуть пырога, кувбасу, бутылку. Воны быруть. В йіх хвосты тыі овэччы почапл'ёные. То воны называлысь справэдывы колядныкы. Прыдуть з чужэе деревні, Гвозніц цы там Язвін, і ход'еть, *і спывають*. Прыдуть до хадзеіна, звызда такая була зробл'ена *хароша*, і крутять у вокні і спывають “Новая радость”, но яе нэ помню, забулася вжэ. Вход'еть дохаты, до хадзеіна, хадзеін зазывае, зазывае дохаты, дае бутылку, ковбасу. Вжэ воны в хаты спывають. *Як заспываюць, так тая хата і запытаеце, як вжэ воны спывають...* Мніго разных пысэнь пырыспывають. *Ох спывалы!* (зап. от Волощук М.П.).

В нарративах частотны понятійны эквиваленты зрительных ощущений. Положительная зрительная оценка обусловлена показателями многоцветия и апелляцией к первому члену семиотической оппозиции “свет–тьма”. В частности, цветовая и световая лексика очень часто употребляется при описании основного атрибута колядования – крутящейся разноцветной звезды с горящей свечой в центре:

Ходілі калядовалі на первый день. Прыходьлі. Ніколі ішэ здавніх, дык рабілі вот такую во звезду, ну на петы, і туда вставлялі свечку, коб она горіла, а этые рогі этой звезды, ну з бумагі, але чым-то іі про... это, промочвалі, коб она светілася. І вот як туда свечку ставлять, там красны, зелёные і... Гармошку бралі, і ходылі калядовалі (зап. от Милевской А.Ф.)

Примеры текстологического материала

- (1) Колядный гипертекст, возникший в 2019 г. в результате диалога вопрошающего собирателя – студентки филологического факультета Семейко А. и ее соседки-рассказчицы – Шпырко Валентины Романовны 1948 г.р., православная (деревня Горбаха Ивановского раёна Брестской области); расшифровка автора статьи.

– *Давайце пагаворым пра зімовыя святы. Як у нашай вёсцы адбывалася калядаванне, шчадраванне?*

– Сідьмого январа, это вжэ начыналысь Кобляды. На первый дэнь у нас ходылы калядоваты. Колядовалы в нас, ну молоды хлопцы, такыі ж мужыкы, жэншчыны ны ходылы, тількы мужыкы. І розбывалы воны, пімерно... *тыпэр в каждую ж хату быжэть по пять раз, а то*

воны на участкы розбивалы. Ну, вытэ, значыць, в тую сторону ідэтэ, мы туды, а вытэ туда. Ну тры там групы собыралося ілі чытыры, я вжэ добрэ ны помню. Воны собыралыся, ішлы, проколядують, і вжэ собыраюцца в одну хату, там жэ ж воны... А колядныкы як ходылы, кажна, в кажнуй хаты ім давалы, хто бутылку, хто можэ повбутылочок водкы, багаччы...
– *А грошы не давалі?*

– Грошый ны давалы, не, грошый ны було. Ковбаску обізательно. Ужэ помню, мама опікае, это, каэтэ, колядныкам будэ колбаска [смяецца]. Ну і вжэ воны насобырають, хто сало, ну такое во ж, насобырають і сходяцца в одну хату, і вжэ воны тамыкы і на вторый дэнь, і на трэтій, ну покуда всё попыють, поідять [смяецца], во. Ну, Коляды в нас святковалы тры дні: первый дэнь, втарый, трэтій, чытвёртый дэнь – это в нас родовый шчытаецца, тожэ ны робылы. Бо то ж родовый дэнь – это тожэ ж шэ свято, і всё. І тамыкы вжэ ны робылы, потому шо там до Крышчэння вжэ ныльзя робыты нычого. Трынаццотого, ну это святкы булы, трынаццотого Шчодруха. Тожэ собыралыся хлопцы, ходылы шчодроваты, так точно, бы колядоваты, по хатах. І тожэ, ім тожэ ж давалы всё, хто шо, водку давалы [смяецца]. А дэвкы собыралыся і гадалы, у нас на Шчодруху гадалы. Хлопцы, дывкы собыралыся в одну хату тамыкы, ну вжэ хто як міг, там гадав. Я помню, гадалы так, шо выходыш на двір, чырыз хату кыдаіш обув, знымаіш тамыкы сапожкы, чы шо тоды, і быжыш дывысса, в яку сторону упав носок, туды, туды, значыць, в тую сторону замуж підыш [смяецца]. Шэ шчыталы забора: пара ны пара, пара ны пара. Шэ помню такое гаданне, ну там в нас, прымерно, тры дэвкы, тры хлопцы прышло в хату. Мы бэрэм шість громадочок сыным зерна, ідэм ловым курыцю, пускаім тую курыцю, і чыю громадку пэршу поклюе, значыць, тая замуж підэ в гэтом году. Ну шэ дрова, побыжымо до сусідов, вкрадымо дров охапок, прыташчымо, вжэ шчытаймо: пара ны пара, пара ны пара. А, ныма пары, значыць, шэ ны підэш замуж. Ну, а вжэ... шэ як палылы, я помню, бумагу, мы палылы на заслонцы, ну такэ було гаданне всякэ. А вжэ на Шчодруху шэ мама пыкла бліны завсігда. Такы в нас обычай був, шо трэба було пычі бліны. Еслі е дівчына в хаты, бырэ бліна, выходыть на уліцу і слухае, в якому, в якій стороні собака забрэшыть. Як забрыхав собака, прымерно, і туда, в тую сторону ты підыш замуж. А на другый дэнь после Шчодрухы – это вжэ Новый год.

– *Стары Новы год?*

– Да, Старый Новый год. Тожэ, вранэнько встаеш, і ідэш, такое було гаданне: ідэш, встрэтів мужчыну, [пытаеш] ек яго зваты? О так будэ і твого му[жа], чоловіка зваты. Гэто такое було гаданне. Ну і всё ж, Новый год прошов, этой Старый Новый год прошов, тоді вжэ будэ Крышчэнне. Крышчэнне – это начиналося восімнаццотого, Водосвят такый называвася,

после обіда святылася вода. А дэвятнацатаго – вжэ Крышчэнне, тожэ вода святылася. І тожэ вжэ тамыкы было в нас тры дні і завсегда дваццать втораго [января] вжэ в нас шчытаецца: “Тік, ны дотік, і Коляда втік”. Та-кое было [смяецца]. “Тік, ны дотік, і Коляда втік”, такое было праздноваанне. І вжэ всё, вжэ тоді после гэтого “Тік, ны дотік, – кажуть, – Коляда втік, да кудэлю прывалыв”, да ужэ можна вжэ: і вышываты, і шыты, і пр’есты, і всё можна вжэ было после гэтого.

– Скажыце, ці пераапраналіся падчас Калядавання і Шчадравання?

– На Коляды ны пырыпраналыся, просто так ходылы в одэжках, а вот на Шчодруху робылы коня, пырыпраналыся, вжэ тамыкы одівалыся хто в шчо. Моглы мужчыны одітыся і в этого, і в жэнішчыну, ну тако шутковалы, такы пісні булы всё в сылі. Я помню, коня робылы. На тому конёвы сыдыть чоловік чы хлопцы молодый, і по хаты вжэ с тым конэм йіздыть. Во такое было, весело было! *Тэпэр ны колядують узрослы, тэпэр большынство діткы колядують. А тоді ж всё взрослы, тоді діткы ны колядовалы.* Молодыі хлопцы, такыі молодыі жонатыі мужыкы.

– А ці насілі ў нас зорку, ну звезду, можэ бачылы колы?

– Да, абізательно, звезду і вертеп. Звезда абязательно була, звезда красіва була, крутылася, там і свічкы поставлять, світылася, красіво было! З звездою ходылы. Без звезды – шо ж то за колядныкы, без звезды?!

– А як прасілі дазволу пакалядаваць, пащчадраваць?

– Ну, одын прыходыть у хату і пытае: “Чы розрышытэ нам поколядоваты?”. Ну вжэ ж хозыін кажыть: “Розрышу!”. Можэ, булы такыі, которы ны розрышалы, ны знаю я [смяецца]. А всё большынство... І гэтак і шчодроваты: одын прыходыть у хату і пытае: “Чы можна вам пошчодроваты?”

– А песня звычайна адна выконвалася ці можна больш?

– Не-е-е, много песень зналы. І колядныкы, і шчодровальныкы много песень зналы. І з гармошкыю дажэ ходылы! Гармошка, вот був в сылі такый хлопцы ілі там вжэ мужык жонатыі і вмів граты на гармошкы. І з гармошкыю ходылы. Мало якыі быз гармошкы, всё з гармошкыю. Пісьні спывалы, всё под гармошку.

– А якімі словамі выказвалі падзяку гаспадарам за пачастункі, ці можна пагражсалі за сквапнасць?

– Ну, дековалы і жылалы, вжэ: “Дай Бог, там вам там шчаст’я, здоров’я, шоб скотына вылася, шоб жыто родыло”. Так благодарылы.

– А вось на Новы год, калі ў нас ставілі ёлку? Перад Калядамі, ці перад самым Новым годам?

– У нас ёлку кода-то ставлялы пырыд Колядамы, пырыд Колядамы. Ставлялы ёлку, ну на ёлку цацок вжэ ж было мало, ігрушок всекых, а вішалы, я помню, канфеты, калачыкы куплелы. Всё, ёлку украшалы

только гэтымы. І вот ужэ на Новый год собираюцца там вжэ самы рідны, ну, прімерно, діты, ужэ такіы пожылыы хазяін, батько вжэ, він собирае всіх своїх внукув там, ну дітэй, а в дітэй вжэ ж есця діты, і внукуы шчытаюцца, і по голінцы він одрэзуе. І вжэ тамыкы шэ добавлее конфет, шоб вжэ ж ны обіжалыся, і это по голінцы ёлкы это вручалы. Такое в нас було, это на Новый год, на Старый Новый год. Ёлку розбыралы вжэ, шчытаецца: “Підэмо-ка до діда завтра, будым ёлку розбыраты” [смяецца]. Ёлку розбыралы на чытырнаццэтэ января, на Старый Новый год. Это такэ празднованне було! Діткы малыныкы, ім жэ інтэресно! Ой!!! Дід ужэ там ёлку... кусок одржыгть голіны, і на тэй голіны канфеты там, баранкы вісяць, а канфеты вжэ ж старалысь... печенье тожэ вішалы на ёлку.

– Скажыце, а што гэта за свята *Вадохрышча* і як яно адзначалася?

– Ну то Крышчэнне, *Вадохрышча* – это Крышчэнне. Это шчытаецца, в нас так звалы *Другы* кóляды.

– А як адзначалі?

– У нас як адзначалы? В нас так... это, прімерно, восімнацатого Крышчэнне, *Водосвят* называецца. Сімнацатого в нас, вот я забула сказаты, шэ ж у нас пэрэд *Колядьмыма*, сьдмого, пырыд сьдмым, шыстого, йілы завсїгда на сіновы. І всё поснэ. І становылося двінаццэтэ посных блюды. Йілы на сіновы. І вот вторый раз вжэ йілы на.... Шэ вторый раз дэсь йілы на Крышчэнне, на *Водохрышча*. Прімено, в нас в сэм’і такога було ны заведено. На *Шчодруху*, *Шчодра* – это вжэ ставылы шчодрый, шчодру вычэру. Тамыкы вжэ була ны постна, а такая вжэ вычэра. А в нас у сэм’і було так, шо мы пырыд *Шчыдрухью* мы ны кушалы на сіновы, а пырыд *Водохрышчамы* знов сіно тое самэ ложыш на стіл, і знов постную еду йілы, это пырыд Крышчэннем, *Водохрышчамы*.

(2) Расшифровка беседы автора статьи со студенткой филологического факультета БрГУ им. А.С.Пушкина (зап. февраль 2022 г., Н. П., 19 лет, Брест).

– Как вы готовитесь к Рождеству?

– Вот Вы знаете, когда каждый раз мы готовились к Рождеству, всегда ж последняя неделя поста, она самая строгая, и мы готовились так. Во-первых, строгий пост, старались не смотреть телевизор, потому что мама говорит: “Ни музыка, ни телевизор... ведь Христос рождается в самые тяжёлые дни, когда *колдуны* могут тоже гадить [шепотом], всё это...” И для нас в Рождестве самое главное было – это сходить в церковь перед... ночью перед Рождеством, вечером на всенощное бдение. И ночью либо утром, когда там была служба... Но видите как, все говорят, что блюда –

главное, там попробовать мяса, всё вот. А для меня и для мамы – они нас [с сестрой] так воспитали с бабушкой, что праздник, во-первых, Рождество, для меня всегда ассоциировалось, что это *время чудес*. Первое, я всегда верила, что Николай Чудотворец разносит подарки и это всегда обновление. То есть у меня обновление шло не от Нового года, как вот календарный год сменяется, и это... Рождество, читается Евагелие “Рождество Христово”, начинается наша эра и вот это возвращение, когда идёт всё по кругу. Вот. Вы лучше задавайте вопросы, а то...

– *А как ты себя ощущаешь в этом празднике?*

– Вы знаете, часто я стояла на службе, вроде бы песнопение, “Херувимская песня” – это самое сложное и самое напряжённое в литургии. И “Милость мира”, когда нужно быть сосредоточенным на молитве. А я стою, а мне улыбаться хочется! Все спят. А на это Рождество – так вообще кошмар. Колядки, уже где-то третий час ночи идёт, все уставшие, а у меня подъем, я стою окрылённая! Я колядки пою-пою, и на удивление берутся высокие ноты. Я пою в хоре и пою первым голосом. Вроде бы должна устать, а я “опа”, кажется, мир перевернула б. Еще дома успевала, и колядовала, и ходила [в группе колядующих].

И знаете, действительно присутствие Бога было. Умиротворение. Получалось так, что последний год у меня было тяжелое такое состояние, и летом я находилась практически в небольшой такой депрессии. А вот Рождество именно принесло... после службы, когда уже батюшка благословил, всё, всех поздравил, я понимаю, что меня отпустило. Я понимаю, что жизнь началась заново. Вот это обновление... и я новая – самое главное!

И знаете, сколько... я просто попросила на Рождество, чтобы сдать хорошо сессию. Я знала, что я плохо учу. И Боженька мне подарил вот это... Я прошла сессию успешно, не волнуясь и вообще не переживая. Я вот верю в поддержку от Бога и в жизнь в целом – то, что это подарок для меня. Инна Анатольевна, столько пришлось в жизни пережить разных, и болезни, и это, много раз могла умереть, ну многие говорят врачи. И каждый раз вот так вот в подарок прошу, чтобы продлился год. У нас же, православных, есть такое понятие, как когда каждый год перед Пасхой благодатный огонь спадает. И на Новый год, на православный Новый год, на Рождество, я просто прошу, чтобы еще один год прожить, это... И Вы знаете, каждый год ниспадает благодатный огонь, и держится мир, и мы держимся. И я в чудеса верю. Это опыт, Инна Анатольевна.

– *А как вы дома празднуете?*

– А знаете, как, ну вот, мы приходим с ночной службы, обязательно накрываем стол, когда вот всенощное бдение перед самым Рождеством, мы сенцо постелем, там обязательно поставим постную еду, ну обычно

картошка или гречка на сене. Почитаем молитвы. Ну я пыталась маме в этом году втолдычить, что надо 12 блюд, но она не хочет никак [смеется].

Вот мы поужинаем потом и идём на ночную службу. А после ночной службы мы накрываем... уже всё – стол совершенно другой, всё богатое такое, всё мясное. И мы поём тропарь Рождественский и ужинаем. Обязательно десерт. И потом вручаем друг другу подарки рождественские. Ну как когда, иногда бывает до стола вручаем, иногда – после стола. А дальше – днём – к нам приходят гости, приходят колядники. А вечером иду отмечать со своим церковным хором. И потом в воскресной школе праздник.

– *А когда дома находитесь за праздничным столом, что чувствуешь?*

– Ну, во-первых, я понимаю, что мясо можно кушать. Когда пост, и я ем мясо, я понимаю, что это какое-то неблагословенное, не благословенное Богом, это еще какой-то запрет. И чувствуешь себя как-то немножко преступницей такой, которая шалит. И видите как, студенту нельзя без мяса, тяжело. Но ощущение, что уже на праздник всё: и телянчик благословенный, и свинка благословенная, и курочка благословенная. И уже как-то не боишься кушать, уже праздник как в полноте. Потому что, когда... и молочное, и сыры, всё вот, и сладкое, учат в пост воздерживаться, чтобы там дух, душа и тело, они устремились к Богу. На праздник понимаешь, что это всё не во вред. И на Рождество именно, и на Пасху меньше всего пить алкоголя, потому что вспоминаются слова апостолов “Вином не упивайтесь, в нём же есть блуд”. И как-то и не хочется. Оно понимаешь, что состояние... стараешься не пить все эти напитки, потому что такое состояние, Инна Анатольевна, просто не передать, ну радостное, целый день ходишь, как дурочка.

– *А радость от чего?*

– Сказать честно, от чего, не знаю, как это передать. Наверное, вот как будто Боженька приходит и до души дотронулся. И просто отнимается и боль, и вот эта усталость, и печаль – всё. И как-то на Рождество и сны такие снятся, что... Вот на это Рождество мне приснилось вот мое это состояние [“переходное”] как раз. Я в белом, я всё это, ну начало новой жизни и обновление. И вот такие сны, и так каждый год на Рождество что-то снится. Бывает, и бабушка покойная приходит, ну вот приходит. Обычно она мне не снится вообще. И знаете, как-то очень чувствуется вообще в целом как будто небеса открылись. И идешь иногда на улице, мороз, да, или колядуешь, или выйдешь просто прогуляться вечером, и разговариваешь, и как будто природа тебя слышит. У нас на Рождество всегда, Инна Анатольевна, может не быть снега на Новый год, но на Рождество всегда снег, всегда мороз, и всегда солнце. Никогда плохой погоды не бывает. Играет так. И знаете, вроде как зима, но прямо там такая весенняя зима. Хоть мороз, но весенняя зима. И настроение всегда

радостное. Я не знаю, как это передать, это можно только почувствовать, но как передать, я не знаю.

– А на Рождество к вам приходят гости?

– Знаете, вот у нас именно Сочельник – это только родные. Это мама, я, сестра и крёстная. Всё, больше мы никого не подпускаем. У нас с сестрой крёстная одна на двоих, она по совместительству тётя, и раньше была бабушка (ну а дедушек я не застала) – все по маминой линии. И всё. У нас как-то, знаете, мы боимся впускать кого-то в Сочельник. Когда кто-то приходит, мы их стараемся... “Потом, всё потом, приходите на Рождество, мы лучше вас на Рождество пригласим. Потом приходите”. А здесь бабушка приучила. Она говорила, что старица Макарьева, есть такая в православии, она говорит, что *колдуны* могут ходить по вечерам, особенно в Сочельник, это очень *напряжённое время*, что это очень-очень напряжённое время – прям перед Рождеством. Потому что Христос рождается – это *великое событие*, это самое... Более великое – это только Пасха. Рождество и Пасха. У православных два вот таких основных праздника. И мы только семьей [собираемся в Сочельник]. Вот это семейное, когда все собираются. Потому что я обычно приезжаю в отдельности от сестры, сестра потом как-то [приезжает]. И редко приезжает крёстная. А тут мы все вместе. И мы можем не встречаться в другие праздники, там на день рождения, но на Рождество – Рождество мы празднуем вместе. Либо мама приезжает сюда, в Брест, и мы тут все вместе празднуем, либо все едут домой [в Иваново]. Вот. И так каждый год. И уже вечером, где-то стараемся под вечер, после шести, приходят вот так гости. Ну, говорят, праздник как бы заходит, Святые вечера, и как бы колядуют, и в гости заодно заходят. И мы начинаем уже праздновать. Но сначала, конечно, с семьей всегда, с семьей. А потом уже с посторонними.

– А ёлку когда ставите?

– А вот ёлку... раньше, когда были младше, строго перед Рождеством. Новый год еще мы были без ёлки. Перед Рождеством, потому что бабушка рассказывала, что ёлочка пришла поздравить Иисуса Христа, а ее не пускали, там другие деревья были, все такие праздничные, а она такая скромненькая. А Боженька сказал: “Вот она и будет моим... как-бы символом моего праздника, моего Рождения”. И мы всегда перед Рождеством [ставим ёлку]. Ну, во-первых, у нас к Новому году относились не очень хорошо всегда. Мы никогда не встречали новый, но провожали старый. Вот. И поэтому где-то в четвёртых – пятых числах января мы ставим ёлку, где-то на Анастасию-узорошительницу, там 4 января была. Вот. И зажигали ее перед Рождеством обычно. И она стоит у нас до Крещения. Как-то был период, что ставили только сосёнку, потому что вот, знаете, такая живая. И мама говорит, что живая ёлочка, чтобы иголки были у нее

живые, чтобы пахла. Вот как праздник, ощущение, что Иисус родился в лесу. Ну, Инна Анатольевна, это сказка, просто сказка. Вроде бы как двадцать лет будет, но до сих пор верю, это вот время Рождества – это *время чудес*. И они всегда свершаются, и мечты сбываются. И даже звёзды по-другому поют. И на Рождество даже иногда слышно пение звезд. Можете себе такое представить?

– *Неа.*

– Морозная тишина, и такие вот отголоски, как бы флейта – не флейта. Но такое вот слышно. И небо играет. Всегда небо играет...

(3) Фрагмент из письменного рассказа студентки БрГУ им. А.С. Пушкина о своей семье.

Раньше мы собирались все вместе на каждый праздник. Со временем все разъехались, и видеться часто не всегда получается. Наша семья православной веры, поэтому мы особо почитаем так называемые церковные праздники: Рождество (7 января) и Пасха. Иногда мы все вместе собираемся у наших бабушки и дедушки по папиной или же у бабушки по маминой линии. Традиционно накрываем на стол, перед тем как есть, бабушка читает молитву “Отче наш”, и только тогда мы приступаем к еде.

Праздник Крещения до сей пор у меня ассоциируется с какой-то мистикой. Не секрет, что раньше именно в эту ночь девушки гадали на суженого. Например, необходимо в 00:00 обнять забор, посчитать количество штахет, если количество четное, то девушка в этом году выйдет замуж. О следующем гадании мне рассказывала учитель русского языка. В нем она принимала непосредственное участие. Для этого нужно два зеркала и свеча между ними. В этом зеркале-коридоре можно увидеть свою судьбу. Две девушки увидели суженых, а на учительнице зеркало треснуло и она так и не вышла замуж. Она строго запретила гадать, поэтому и для меня гадание – это послание от злого духа.

На праздник Пасхи ночью мы идем в церковь, чтобы освятить еду в корзинке (крашеные яйца, шоколадные конфеты, соль, кусочек мяса или же колбаса). Корзинку прикрываем бабушкиным ручником, который она вышивала еще в молодости. На утро, после прочтения молитвы, запаливаем свечу и сначала едим “посвяченную” еду, а только потом остальную.

Также мы традиционно празднуем Новый год. Вкусный ужин, украшенная елка и загадывание желания под бой курантов. Чтобы желание сбылось, в детстве я пробовала загадывать их по-разному. Например, под бой курантов нужно было почистить мандарин и положить под ёлку, а позже посчитать количество долек. Если оно четное, желание сбудется,

если нечетное – нет. Однако этот вариант мне не подошел – он сразу отбирал веру и надежду, поэтому таким образом загадывала его лишь раз (зап. 2020; К. С. родилась в д. Городец Кобринского р-на; Брест).

В **заключение** отметим, что использование нарративов о Рождестве и колядной обрядности, вычлененных из записей прямой речи рассказчика (информанта в случае интервью), а не опубликованных пересказов (фольклорно-мифологического материала) исследователей, позволяет не только “прочитать символы”, но и “проанализировать практики” (в терминологии Талала Асада) и связанные с ними эмоции, понять собственную иерархию смыслов рассказчика, а также группы, в которую он включен. Это обусловлено тем, что такие рассказы не только транслируют нормативные представления о том либо ином празднике и разнородные тексты, его образующие, но и собственные впечатления нарраторов о празднике, эмоции, связанные с его переживанием, различные оценки определенных элементов праздника. Интерпретация приведенных и подобных им нарративов может быть полезна для многоаспектного исследования (с подключением различных категорий феноменологии, функционализма, структурализма) обрядов и праздников, смыслов и ценностей, актуализируемых в их ходе, а также того, “что может происходить в любом конкретном наборе действий”. Инструментами такого анализа могут быть следующие формулировки К. Белл:

ритуал как выражение парадигматических ценностей смерти и возрождения; ритуал как механизм для приобщения индивида к сообществу и создания социальной единицы; или ритуал как процесс социальной трансформации, катарсиса, воплощения символических ценностей, для определения природы реального или для борьбы за контроль над знаком. Эти тезисы также являются ярким отражением вопросов, которые нас волнуют и, следовательно, указывают на то, как мы, задающие вопросы, склонны понимать мир, человеческое поведение, смысл и задачи объяснения⁴.

При исследовании проблематики, связанной с традиционными обрядами, необходимо учитывать то, что не только сами обряды и обрамляющие их празднества, но и рассказы о них являются продуктом переработки паттернов, предложенных традиционной культурой.

⁴ C. Bell, *Ritual. Perspectives and Dimensions*, Oxford 1997, с. 89.

LITERATURA

- Bahtin M.M., *Tvorčestvo Fransua Rable i narodnaâkultura srednevekov'â i Renesansa*, Moskva 1990 [Бахтин М.М., *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Москва 1990].
- Bell C., *Ritual. Perspectives and Dimensions*, Oxford 1997.
- Bruner J., Self-making narratives, [in:] *Autobiographical memory and the construction of a narrative self: Developmental and cultural perspectives*, Mahwah, London 2003, p. 209–225.
- Pas O., *Poèziâ. Kritika. Èrotika. Èsse raznyhlet*, Moskva 1996 [О. Пас, *Поэзия. Критика. Эротика. Эссе разных лет*, Москва 1996].

SUMMARY

CHRISTMAS AND CAROLING RITUALS OF THE BREST REGION
IN CONTEMPORARY NARRATIVES

The article presents contemporary written and oral stories about Christmas and carol rituals of the Brest region, which can be qualified as a hypertext of a common semantic field (the status of the folklore genre is not recognized yet for its prose components). They reveal the social meaning of spiritual (religious, philosophical, aesthetic) aspects of the holiday in the development of society and the communicative and pragmatic potential of verbal and nonverbal forms of ritualized interaction in particular communities.

Keywords: narrative, ritual, Christmas, carols, textual material.